

Оттенки национализма ПОЧЕМУ СЛОВО «РУССКИЙ» НЕЛЬЗЯ СЧИТАТЬ ПРИЗНАКОМ ЭТНО-НАЦИОНАЛИЗМА

Аналитическая записка № 416
ПОНАРС Евразия
Январь 2016 года

Марлен Ларюэль¹
Университет Джорджа Вашингтона

Многие наблюдатели за российской политической жизнью в последнее время заметили в публичных выступлениях Владимира Путина определенный языковой сдвиг в сторону «этно-национализма». Данная тенденция наметилась еще несколько лет назад, но стала особенно заметной после начала украинского конфликта. В марте 2014 года, в своем заявлении о правомерности аннексии Крыма, Путин заявил, что Крым - *русская* земля, Севастополь – *русский* город, а Киев – мать городов *русских*. Обычно в современной России слово «русский» используется в языковом и этническом смысле («русский язык», «русский этнос»), а «российский» – когда речь идет о государственности или гражданстве. Целый ряд исследователей сделали на основании этого наблюдения [вывод](#) о том, что Путин [перешел](#) от государственноческого к этническому национализму, и что все более явное доминирование этнического компонента в российской политике ставит под угрозу традиционный многонациональный характер этой страны.

Данный взгляд, однако, представляется слишком узким. Использование термина «русский» вовсе не является свидетельством растущего доминирования этнического компонента в российской государственной идентичности. Вполне возможно, что в российском обществе в последнее время больше внимания уделяется вопросам этноса/национальности (хотя этнический национализм в форме ксенофобии, межнациональной напряженности и преступлений по этническим/национальным мотивам пошел на спад после начала украинского конфликта). Тем не менее, термин «русский» не является центральным элементом данной эволюции. Чтобы лучше понять всю сложность современного российского политического контекста, было бы полезно сконцентрироваться на двух

¹ [Marlene Laruelle](#) – профессор международных отношений, помощник директора Института европейских, российских и евразийских исследований (IERES) и директор Программы среднеазиатских исследователей Университета Джорджа Вашингтона

альтернативных аспектах применения термина «русский»: 1) как способа подчеркнуть историческое единство Восточных славян (русских, украинцев и белорусов), и тем самым воспрепятствовать попыткам Украины покинуть российскую орбиту, и 2) в качестве апелляции к мессианскому историческому предназначению России.

История терминологической конкуренции

У всякого термина есть своя история, при этом значения терминов могут эволюционировать как во времени, так и в пространстве. Обращение современной России в христианство началось с крещения киевского князя Владимира в 10-м веке. Государство, которым правил князь, называлось Киевская Русь. Слово «Русь», а также производное от него прилагательное «русский», многие века использовалось для обозначения как данного государства, так и его культуры и языка. Однако византийцы с 9-го века использовали конкурирующий термин: Рось. В России он присутствовал в 15-м веке («Росия»), а к 18-му преобразовался в нынешнюю «Россию». В начале 19-го века имели хождение оба корня. Путаница в терминах была для того времени весьма характерна: в зависимости от контекста, подданные государства российского могли называться «российскими», «русскими» и «общерусскими», а для обозначения этнической принадлежности использовались слова «российский», «русский», «великороссийский» и «великорусский».

Любопытно, что слово «русский» частично вышло из обращения в связи со все более широким использованием конкурирующего термина «российский», однако во второй половине 19-го века эта тенденция была обращена вспять, причем в специфическом геополитическом контексте. Как [показала](#) французская исследовательница Virginie Symanies, возрождение термина «русский» имело вполне конкретные политические цели – а именно, «собрание земель русских» после периода польско-литовского господства. Корень «русс» применялся в качестве синонима термина «восточнославянский», который использовался по отношению к трем современным восточнославянским нациям – России, Украине и Беларуси. Геополитические цели хорошо просматриваются и в попытках терминологической диссоциации между «русификацией» нерусских народностей империи (сибирские, тюркские и кавказские народы) и «ре-русификацией», или «обрусением», тех русских, которые несколько веков прожили под польско-литовским господством.

«Русский»: мост на украинский берег, а не претензия на моноэтничность России

Автор предприняла данный исторический экскурс вовсе не как аргумент в пользу того, что Владимир Путин, который больше интересуется боевыми искусствами, чем историческими исследованиями, осознает все многочисленные смысловые тонкости и эволюцию терминов «русский» и «российский», или что он их применяет с полным пониманием исторического контекста. Этот экскурс лишь демонстрирует, что термин «русский» имеет два значения. Сегодня он обозначает всех, кто в собственном понимании не является представителем национальных меньшинств России и считает себя «этническим» русским. Однако он также используется для обозначения единства Восточных славян – и именно второе значение является более старым.

Представляется, что в своих выступлениях в 2014 году Путин использовал этот термин во втором значении, т.е. в возрожденном имперском значении слова «русский», пытаясь таким образом апеллировать к возрождению единства Восточных славян. Украина является частью этого «русского» пространства в силу наследия Киевской Руси, которая на несколько столетий перешла под господство Польши и Литвы, затем была реинтегрирована в Россию, а сейчас вновь выходит из российской орбиты.

Такая трактовка объясняет, почему Путин упорно использует термин «русский», одновременно настаивая на принципе многонационального характера России. Многие исследователи совершенно неправильно интерпретируют путинский выбор терминологии: для него слово «русский» вовсе не является противоположностью слова «российский». Этим Путин отличается от многих российских националистов, которые настаивают на концепции «русскости» в качестве реакции на провал (по их мнению) концепции «российскости». Их опасения потери Россией своей национальной идентичности направлены прежде всего против мигрантов из Средней Азии и северокавказских республик самой Российской Федерации (сибирские народы России, татары, башкиры и финно-угорские народности в качестве угрозы не воспринимаются). Однако Путин не является этно-националистом, и он не вкладывает в слово «русский» тот же самый идеологический смысл, который подчеркивают этно-националисты.

Когда говорится о том, что Киев, Крым и Севастополь являются «русскими», то акцент делается вовсе не на этно-национализме или дискриминации против тех граждан России, которые не являются этническими русскими. На самом деле этот аргумент – продолжение старой исторической темы об общем происхождении Восточных славян и их трех современных национальных государств из единой колыбели Киевской Руси. В историческом смысле Киев на самом деле является «русским» городом, где слово «русский» используется в своем изначальном восточнославянском смысле, а не для обозначения современного российского государства. Поэтому идея «собирания земель русских» не является признаком этнического ирредентизма. Ее скорее можно назвать призраком имперского прошлого, а слова Путина направлены на возрождение имперской традиции в надежде на то, что Украина все же не покинет сферу влияния России и не станет частью европейского мира.

Российское мессианство: «русский» как голос России в мире

«Имперский» подтекст слова «русский» также связан с еще одним значением, которое, опять таки, не следует воспринимать как этноцентрическое. «Русский» – это классическое прилагательное, которым характеризуют все мессианские идеологические тенденции, зародившиеся в России, особенно в Серебряном веке (периоде яркого философского возрождения с 1890-х по 1920-е годы). В трудах Владимира Соловьева и Николая Бердяева уникальный посыл России всему миру характеризуется именно как «русский», а не «российский», хотя ни того, ни другого автора нельзя назвать этно-националистом. *Космизм* Николая Федорова (вариант космической теологии) тоже называется «русским». Все эти идеи уходят своими корнями в предложенную Достоевским концепцию братского единства всего человечества, где Россия рассматривается в качестве первопроходца, и эта ее роль выражается словами «русское всемирное».

Это традиционное русское/российское мессианство, в своей обновленной и расширенной форме, лежит в основе более современной концепции «Русского мира». Задолго до того, как этот термин стал частью идеологического инструментария российского государства, он был сформулирован командой интеллектуалов, близких к Русскому институту Глеба Павловского и выпускаемому этим институтом «Русскому журналу». И сам институт, и его журнал стали предшественниками нескольких Интернет-проектов и дали старт профессиональной карьере многих молодых публицистов, мыслителей и журналистов. Авторы концепции «Русского мира» с огромной любовью относились к русской философии, однако при этом были специалистами в области маркетинга и брендинга. Такое слияние разных жанров оказалось весьма мощным инструментом. В маркетинговом смысле «Русский мир» является брендом, под которым Россия стремится обрести свой голос в хоре наций всего мира. Однако он также служит носителем более философского или религиозного мессианства, где Россия предлагает миру универсальную ценность «спасения».

Институт Павловского, его журнал и сама концепция «Русского мира» используют слово «русский», а не «российский». Однако все эти персонажи тоже не являются этно-националистами и не стремятся к построению этнически чистой России, свободной от национальных меньшинств. Их определение «русскости» не строится на этноцентризме. Для них основной недостаток термина «российский» - это слишком уж тесные ассоциации с ельцинским политическим проектом и всеми его недостатками. Для них «российская» Россия является воплощением провалившейся либеральной идеологии, со смутным ощущением попыток Запада «клонировать» Россию по своему образу и подобию. В противоположность такому подходу, «русская» Россия, за создание которой ратует Русский институт Павловского, олицетворяет собой призыв к полноправному участию России в мире эпохи глобализации и к обретению Россией своего собственного уникального голоса на мировой арене.

Выводы

Многие ключевые концепции российской государственности являются очень сложными и требуют глубокого понимания как исторического контекста, так и всех тонкостей терминологии. Термин «русский» является многогранным. Иногда его используют в этно-националистическом контексте, однако Кремль в него вкладывает совсем другой смысл. Для российских властей слово «русский» служит напоминанием об общем историческом прошлом всех потомков Киевской Руси. С точки зрения Кремля, это общее прошлое должно определять и общее будущее; не зря Путин часто [повторяет](#), что «русские и украинцы – один народ». Поэтому термин «русский» не является проявлением этно-национализма. Он лишь отражает то, насколько трудно России проститься со своим имперским прошлым – и особенно насколько ей сложно смириться с тем, что «русскость» Украины совсем не обязательно должна выражаться в пророссийском геополитическом курсе. Данный термин также используется, чтобы подчеркнуть мессианское историческое предназначение России; когда-то она несла миру христианство или коммунизм, а сегодня она является бастионом консервативных ценностей и «Русского мира». Термин «русский», вне зависимости от его возродившегося имперского значения, может использоваться

наравне со словом «российский», когда речь идет о многонациональном характере российского государства. Семантически слова «русский» и «российский» не являются взаимоисключающими; вкладываемое в них значение может быть и очень похожим, и совершенно разным в зависимости от контекста.

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org

